

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5596028>

УДК 728

Котлецов В.В.

Котлецов Владимир Викторович, аспирант, Гуманитарный институт ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87. E-mail: kotletsov1993@yandex.ru.

Архитектура Советской России в 1920-е гг. в контексте социально-экономических реалий: проблемы и пути их решения

Аннотация. Данная статья раскрывает вопрос прямой связи тех социально-экономических реалий, наступивших в Советской России после Гражданской войны, связанных с проведением большевистской партией новой экономической политики в 1920-е гг. и дискуссией по становлению нового социального быта, новых архитектурных концепций и задач. Автор обращает внимание на трудности налаживания бытовых условий жильцов многоквартирных домов. Одним из воплощений гражданского строительства было решение выдвинутого Э. Говардом о создании городов-садов, что частично было воплощено в нескольких промышленных центрах страны. Важным также для социалистического строительства быта было создание домов-коммун.

Ключевые слова: Советская Россия, новая экономическая политика, жилищная архитектура, город-сад, дом-коммуна.

Kotletsov V.V.

Kotletsov Vladimir Viktorovich, postgraduate student, assistant of the Department of History, Archeology and Local History of the Humanitarian Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladimir State University named Alexandr and Nikolay Stoletovs", Russia, 600000, Vladimir, st. Gorky, 87. E-mail: kotletsov1993@yandex.ru.

The Architecture of Soviet Russia in the 1920s in the context of socio-economic realities: problems and ways to solve them

Abstract. This article reveals the question of a direct connection between those socio-economic realities that occurred in Soviet Russia after the Civil War, associated with the Bolshevik Party's new economic policy in the 1920s. and discussion on the formation of a new social life, new architectural concepts and tasks. The author draws attention to the difficulties of improving the living conditions of residents of apartment buildings. One of the incarnations of civil engineering was the decision put forward by E. Howard to create garden cities, which was partially embodied in several industrial centers of the country. The creation of communal houses was also important for the socialist construction of everyday life.

Key words: Soviet Russia, new economic policy, housing architecture, garden city, commune house.

Период 1920-х гг. для всего мира был временем необычным («Ревущие двадцатые» в США, экономический кризис в Западной Европе, начало

создания социалистической системы в России и т.д.), и все эти «необычности» так или иначе отражались в искусстве, в частности, в архитектуре. В свою очередь,

архитектура обеспечивала и обеспечивает формирование культурно-бытовой среды, в которой проходит жизнь человека, а потому можно сказать, что природа архитектуры гуманистична. Человек как творец архитектуры воплощает в ней ту социальную информацию, которая имеет в настоящий момент наибольшую актуальность, т.е., собственно говоря, архитектура призвана решать социальные проблемы (причем не только и не столько индивида, сколько общества в целом).

Искусство заметно реагирует на состояние общества, изменяя форму и содержание своих произведений. Когда общество длительно пребывает в состоянии покоя, создание новых произведений обычно идет в русле некоторых традиций (потому как они успевают оформиться за счет самой этой стабильности), а вот если начинается кризис (т.е. ломка старого порядка), то создание новых произведений осуществляется уже в русле импровизации, выработки оперативных, соответствующих данному моменту концепций. Впоследствии эти решения могут быть как приняты за новую традицию, так и быть отвергнутыми как несоответствующие действительности.

1920-е гг. для отечественной истории однозначно были временем кризиса. В самом начале периода в стране господствовали разруха и голод, вызванные Гражданской войной, экономика очень сильно просела, а многие отрасли временно не работали вовсе. На этом фоне происходили перемены в обществе – окончательное оформление пролетарского класса, с его потребностями и ролью в социуме. Большевики обещали пролетариату улучшение условий жизни, и частью этого улучшения становилось обретение пролетариями нового жилья. Разрешение вопроса о переселении осуществлялось поначалу переводов рабочих из заводских казарм в национализированные богатые (и не очень) квартиры, однако они быстро заполнились, и переселение можно было продолжать только после возведения нового жилого фонда. Так было положено начало советскому

жилищному строительству. Конечно, социально-экономическая реальность постоянно оказывала воздействие на состояние проблемы расселения – новое жилье нужно было строить с максимальной экономией (экономическая разруха не оставляла для этого ни средств, ни материалов). С развертыванием НЭПа население начнет постепенно обогащаться и получит возможность приобретать жилье – вот и новое состояние реальности. В конце периода 1920-х гг. ситуация поменяется еще раз – экономическая вольница НЭПа будет свернута и начнется долгосрочный этап государственной плановой экономики, когда государство будет единственным заказчиком архитектурных произведений. На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что архитектура находится в непосредственной зависимости от социально-экономической реальности [5; 14].

К началу 1920-х годов общество в России претерпело серьезные структурные изменения. Прежнее его устройство было нарушено, потому как произошло распадение имущего класса, а пролетариат серьезно уменьшился в численности (а ведь именно он провозглашался новой господствующей силой). Подобный результат был вызван несколькими причинами: гибелью населения (в особенности мужского) в Первой мировой и Гражданской войнах, сокращением рождаемости и увеличением смертности из-за наступления голода, переселением горожан в деревню (с целью обеспечить себе пропитание на земле). Как итог, налицо было усечение социальной пирамиды, вершину которой искусственно стали занимать представители нижних уровней [5; с. 14].

Общество переживало этап деградации. Нарушилась традиционная субординация в общественных отношениях. Если крестьянство и ранее составляло львиную долю российского социума, то теперь оно не только сохранило свою позицию, но еще и «архаизировалось» (вернулось к общинной организации после «черного передела» земли, ставшего возможным как раз из-за распада/ликвидации элиты), а в горо-

дах оставались только немногочисленные голодающие рабочие и маргиналы [5; с. 43].

Пролетариат становился все более однородным, утрачивалась дифференциация по квалификации и сфере занятости, т.е. он все точнее оформлялся как класс. Несмотря на это, продолжала сохраняться связь промышленных рабочих с землей, с деревней, которая в годы Гражданской войны даже имела тенденцию к усилению, потому как из-за голода, вызванного спадом сельхозпроизводства и распределением продовольствия (едва покрывавшим минимальную потребность человека), наблюдалось, как мы говорили ранее, частичное переселение горожан в деревню. В годы НЭПа эта связь не нарушится, а разовьется, потому как довольно многие рабочие в новых условиях станут совмещать труд на предприятии с фермерством.

Города, переживавшие трудности снабжения, стремительно теряли население: за 1917–1920 гг. городское население России уменьшилось на 19 %, сократившись с 25,8 млн до 20,9 млн человек в начале и в конце периода соответственно. Даже в официальных документах встречались эмоциональные оценки сложившейся ситуации – убыль городского населения была охарактеризована как «особенно жестокая». Тем не менее, определенная часть населения осталась в городах, и эта часть граждан выражала наибольшую благосклонность к советской власти. Только имея опору, РКП (б) могла начать социальные преобразования, связанные с переустройством жизни людей [4; с. 94].

С развертыванием нэпа положение с городским населением стало изменяться – города вновь стали расти, поскольку сельские жители перемещались на возникающие рабочие места на вновь создаваемых/реконструируемых предприятиях. Уже с первых лет восстановления экономики началась концентрация производств, призванная не только упорядочить (упростить) управление промышленностью, но и способствовать формированию пролетарского сознания, – а концентрация, в свою

очередь, лишь способствовала усиленному притоку людей в города. В конце 1920-х гг., после сворачивания нэпа и поворота промышленной политики страны на контролируемую индустриализацию, процесс пополнения городов новопривывающими рабочими пошел еще более быстрыми темпами. Хороший пример здесь – Ковров, где происходило расширение Пулеметного завода, а потому в город приходили рабочие из окрестных деревень и сел: всего за год население увеличилось на 23 % (с 26 тыс. в 1927 г. до 32 тыс. в 1928 г.) [8; с. 106].

Разумеется, при высоких темпах роста населения не могла не обостриться проблема его размещения. Невозможно было обходиться одним только расселением по существующим помещениям, нужно было строить новое жилье. Но вот каким ему быть? Решение этого вопроса происходило под влиянием различных факторов, и об одном из важнейших – идеологическом курсе перестройки быта и человеческого сознания – пойдёт речь в дальнейшем.

Можно сразу сказать, что идея «классового перевоспитания» и формирования нового сознания отсылает к области социальных утопий, философских построений, а иногда и просто – красочных умозрительных построений относительно «светлого будущего», в котором все члены социума начнут мыслить по-иному, и наступит рай на земле (читай «истинный коммунизм»).

Архитектуру можно с полным правом считать особенной формой искусства, поскольку ее произведения рассчитаны на самое непосредственное взаимодействие с человеком, взаимодействие на физическом уровне. Архитектурные объекты составляют неотъемлемую часть повседневной жизни любого человека, они воздействуют на характер самой жизни, задают настрой быта. Совершенно справедливо выглядит в этом контексте утверждение В.И. Ленина: «бытие определяет сознание». Действительно, трудно представить какой-либо другой столь же мощный фактор, непо-

средственно и неотступно влияющий на бытовые и рабочие процессы, как окружающая архитектурная реальность. Поэтому от того, какой она, эта реальность, будет, зависит удовлетворенность социального заказа, который, в свою очередь, является великолепным индикатором уровня социально-экономического развития общества.

Советская власть практически с самого начала своего функционирования занялась проблемами жилья и градостроительства. Стремление обеспечить пролетариату обещанное улучшение жизненных условий вызвало к жизни программы переселения пролетариев из рабочих казарм в национализированные квартиры бывших состоятельных горожан. Однако такая система привела к быстрому переполнению существующего жилого фонда и обозначила необходимость долгосрочных программ жилищного строительства. Предстояло пересмотреть концепцию города, ведь на повестке дня был и вопрос о переустройстве старого быта в новый, социалистический. В результате, начался период активного выдвижения градостроительных идей и концепций, многие из которых носили перспективный характер.

Как ранее было отмечено, быстро обозначилась проблема нехватки жилого фонда для размещения пролетариев. Возможности расселения по национализированному жилью были быстро исчерпаны, а количество людей, нуждающихся в улучшении условий проживания оставалось очень большим, т.е. моментально решить проблему расселения не получалось. Стало ясно, что коренное решение данной проблемы кроется в развертывании масштабного жилищного строительства, причем предваренного комплексной теоретической работой, связанной с планированием будущей организации проживания, труда и отдыха, которые должны быть подчинены принципу обобществления, превращению их в коммунистические.

Сообразно тому, какого плана идеи и предложения по вопросам градостроительства выдвигались в различные годы, период 1920-х гг. в истории архитектуры приня-

то делить на этапы Первой (1922–1923 гг.) и Второй (1929–1930 гг.) градостроительных дискуссий. Каждый из этапов представлял, по сути, пик противостояния идей, накопленных за предшествующее время индивидуальных творческих поисков архитекторов. Кроме того, каждый этап характеризовал и социально-экономические изменения в стране: если период Первой дискуссии пришелся на начало НЭПа, с характерными свободой торговли, появлением у населения свободных денег, частным жилищным строительством (заказ на индивидуальный/малоквартирный (1–4 квартир) дом), то период Второй дискуссии захватил время становления плановой экономики, запрещения частного предпринимательства (а это сразу ликвидирует определенную долю заказов на индивидуальное жилье), государственной индустриализации с ее массовым притоком крестьянства в города на рабочие места на новых предприятиях.

Несмотря на такие различия в современной им социально-экономической реальности, обе Дискуссии обладали и сходствами, например, в оба периода на повестке дня были идеи ликвидации различий города и деревни, обобществления быта, избавления людей от ежедневных многочасовых «хлопот по хозяйству».

Определяющей концепцией, представшей на рассмотрение советских специалистов, была предложенная в 1898 г. британским экономистом Эбенизером Говардом теория «городов-садов». Фактически, это была очередная социальная утопия, в которой автором предлагался путь к однозначно правильному, благополучному будущему, в котором проблемы нынешнего мира уже не будут существовать [7; с. 121].

К своему проекту города-сада Говард пришел через критику совокупности недостатков городской и сельской жизни, а также синтез их достоинств. К первым он отнес нарушение жизненно важной связи человека с природой, плохую экологическую обстановку в целом (город), низкую оплату труда и недоступность культурно-

досуговых учреждений (деревня). Идеальному поселению предстояло наследовать достоинства города и деревни: высокая оплата труда, доступ к произведениям культуры и искусства (город), благоприятная экологическая обстановка (деревня) [7, с. 123].

Предполагалось, что население города-сада не будет превышать 30–40 тыс. человек. Если же возникал вопрос дальнейшего расширения, то теория предусматривала закладку нового города, который начинал заполняться жителями. Территория, согласно проекту, не превышает 400 га, да и из них домами занято не более трети – остальная земля передается под огороды, сады и прочие сельскохозяйственные нужды с тем расчетом, что горожане смогут полностью или почти полностью обеспечивать себя продуктами питания [7, с. 125].

Активизации жилищного строительства в пригородах способствовало и то, что к началу 1920-х гг. образовался слой людей, в основном состоятельных, которые не имели приемлемых для себя жилищных условий, потому как их прошлое жилье было заселено по программе уплотнения. Развертывание новой экономической политики и накопление в этот период населением некоторых капиталов привели к увеличению соцзаказа на дома индивидуального типа, которые чаще всего помещались в пригородах, потому как там было проще обзавестись землей не только под сам дом, но и получить участок под огород/сад [7, с. 121].

Распространению малоэтажного частного строительства способствовала и напряженная обстановка в строительной отрасли – здесь ощущалась явная нехватка стройматериалов (производство их было подорвано ликвидацией/разрушением соответствующих предприятий в период Гражданской войны), поэтому неудивительно, что в начале 1920-х гг. вновь начало набирать обороты деревянное строительство (все-таки древесина – самый доступный материал в России) [7, с. 126].

С течением времени концепция города-сада стала восприниматься уже как готовый план будущего государственного градостроительства, согласно которому произойдет отказ от крупных городов вообще, в пользу сети комфортных «зеленых» поселений, где у всех будет земля, собственный дом и собственные продукты.

Автором нового проекта городской застройки – «социалистического города» – стал Л.М. Сабсович. В своих публикациях 1929–1930 гг. он последовательно развивал идею организации самодостаточных городов с обобществленным бытом, в которых предполагалось возводить совершенно новый тип домов – «дома-коммуны» [6, с. 121]. В противовес городу-саду с его индивидуальной застройкой, социалистический город должен был во всем своем функционале обеспечивать коллективизм жителей. Более того, концепция жилья подчинялась установке, что настоящий коммунист должен приходить домой в основном лишь для сна (а для этого достаточно комнаты с минимальной обстановкой), тогда остальное время проводить либо на работе, либо на различных культурно-образовательных мероприятиях, причем всегда в составе какого-либо коллектива. Дом-коммуна и его устройство стали на ближайшие годы основной заботой советских архитекторов [6, с. 145].

Таким образом, советская архитектура 1920-х гг. развивалась под влиянием как универсальных факторов (социальный заказ), так и специфических (государственный заказ). Последовательная эволюция социально-экономической реальности от разрухи и дефицита (когда необходимо было экономить ресурсы) через налаживание жизни при НЭПе до установления государственного планового хозяйства (когда заказчиком архитектурных работ уже выступает государство в целом) последовательно провела архитектуру через несколько фаз, каждая из которых характеризовалась собственными проектными находками, не всегда, однако, воплощаемыми на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархин Г.Б. Рабочий дом и рабочий поселок-сад. Москва: государственное техническое издательство, 1922. 277 с.
2. Волков П. К вопросу снижения стоимости строительства и о рационализации кирпичного производства // Строительство Москвы. 1928. № 2. С. 7-8.
3. Гинзбург М.Я. Жилище. М.: Государственное научно-техническое издательство строительной индустрии и судостроения, 1934. 204 с.
4. Гуменюк А.А. Социальные преобразования в России в 1921–1928 годах // Известия Саратовского государственного университета. Серия «История». 2013. Т. 13. Выпуск 3. С. 91-100.
5. Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М.: Наука, 1988. 168 с.
6. За новое жилище: сборник статей к 5-летию жилищной кооперации / Под ред. Ю. Ларина и В. Белоусова. М.: Издательство Центрожилсоюза, 1930. 213 с.
7. Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 118-166.
8. Рябченко А.Г., Золотарева И.Д. Особенности социально-экономической сферы СССР в 1920–1930 гг. // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 3. С. 105-109.
9. Юрина Т.В. Определение государственных задач и их влияние на социальную структуру общества: исторический аспект // Известия ПГПУ. 2007. № 7. С. 24-30.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Barhin G.B. Rabochij dom i rabochij poselok-sad. Moskva: gosudarstvennoe tehlichesкое izdatel'stvo, 1922. 277 s.
2. Volkov P. K voprosu snizhenija stoimosti stroitel'stva i o racionalizacii kirpichnogo proizvodstva // Stroitel'stvo Moskvy. 1928. № 2. S. 7-8.
3. Ginzburg M.Ja. Zhilishhe. M.: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo stroitel'noj industrii i sudostroenija, 1934. 204 s.
4. Gumenjuk A.A. Social'nye preobrazovanija v Rossii v 1921–1928 godah // Izvestija Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istorija». 2013. T. 13. Vypusk 3. S. 91-100.
5. Zhiromskaja V.B. Sovetskij gorod v 1921–1925 gg.: Problemy social'noj struktury. M.: Nauka, 1988. 168 s.
6. Za novoe zhilishhe: sbornik statej k 5-letiju zhilishhnoj kooperacii / Pod red. Ju. Larina i V. Belousova. M.: Izdatel'stvo Centrozhilsojuza, 1930. 213 s.
7. Meerovich M.G. Rozhdenie i smert' goroda-sada: dejstvujushhie lica i motivy ubijstva // Vestnik Evrazii. 2007. № 1. S. 118-166.
8. Rjabchenko A.G., Zolotareva I.D. Osobennosti social'no-jekonomicheskoy sfery SSSR v 1920–1930 gg. // Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta. 2019. № 3. S. 105-109.
9. Jurina T.V. Opredelenie gosudarstvennyh zadach i ih vlijanie na social'nuju strukturu obshhestva: istoricheskij aspekt // Izvestija PGPU. 2007. № 7. S. 24-30.

Поступила в редакцию 18.10.2021.

Принята к публикации 21.10.2021.

Для цитирования:

Котлецов В.В. Архитектура Советской России в 1920-е гг. в контексте социально-экономических реалий: проблемы и пути их решения // Гуманитарный научный вестник. 2021. №10. С. 58-63. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/10/Kotletsov.pdf>